

Жизнь на пределе

Впервые я увидел Федора Александровича Абрамова в сентябре 1952 года, когда сдавал вступительные экзамены в аспирантуру Ленинградского университета по кафедре советской литературы. Вопрос по литературе мне достался нелегкий: послевоенная деревенская проза. Я уже слышал, что в составе экзаменационной комиссии будет сам заведующий кафедрой А. Г. Дементьев, профессор Л. А. Плоткин и молодой доцент Ф. А. Абрамов. Первых двоих я встречал, Абрамова еще не видел. И вот, отвечая на вопросы, я сразу же обратил внимание на этого третьего, небольшого роста, стройного, темноволосого преподавателя, который, как мне показалось, слушал ответы более сочувственно, чем другие экзаменаторы. На дополнительный вопрос (чего так боятся все экзаменующиеся) – о негативных явлениях в развитии «деревенской» прозы – задал все-таки он, и, когда я начал говорить о последствиях пагубного воздействия на многие произведения о деревне «теории бесконфликтности», это вызвало одобрение всей комиссии...

Ф. Абрамов, по-видимому, узнал обо мне раньше, что мы земляки, с Архангелогородчины (ведь наши анкетные данные членам комиссии были известны), но сближаться не спешил, встреч не искал, и после моего зачисления в аспирантуру виделись мы не часто, разве лишь на общих заседаниях кафедры, на которые приглашались все аспиранты. И все-таки предпосылки для более тесных отношений были. С Ф. Абрамовым легче было найти общий язык, чем с другими членами кафедры: он и по возрасту был ближе к нам, к аспирантам. А меня с ним сближал и общий жизненный опыт: оба выросли на суровой северной земле, у обоих за плечами были фронтовые дороги, ранения, госпитали, оба когда-то учительствовали. Да и «крестный отец» был у нас общий: диссертацией руководил Л. А. Плоткин, который года за два до этого был научным руководителем и у Ф. Абрамова. Как-то на одном из заседаний кафедры, когда происходило бурное обсуждение главы аспирантской диссертации об эстетике В. Маяковского, с резковатым молодым задором выступил и я, говоря о значении традиций В. Маяковского для развития современной поэзии. Конкретные суждения забылись, но помню, что они понравились Федору Александровичу, он похвалил мое выступление.

С того раза я потянулся к нему, иногда советовался по некоторым вопросам своей работы.

На втором году обучения меня назначили куратором одной из студенческих групп. Я решил провести со студентами несколько бесед по новинкам текущей литературы. О тематике посоветовался с Федором Абрамовым. Он порекомендовал начать с В. Тендрякова, с обсуждения только опубликованной в «Новом мире» очерковой повести писателя «Падение Ивана Чупрова». Занятие заинтересовало студентов. Потом пошли беседы о В. Овечкине, Г. Троепольском.

Памятно мне и нашумевшее выступление Ф. Абрамова в журнале «Новый мир» в мае 1954 года. В большой статье «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» молодой критик осмелился говорить о серьезных недостатках деревенской прозы тех лет, о тех идиллических, лакированных тенденциях, которые вели к искажению действительности даже в лучших произведениях, удостоенных Сталинских премий.

Выступление Федора Абрамова было не только актом мужества. Оно свидетельствовало о прекрасном знании автором жизни деревни, об его эстетической зрелости, дальновидности, глубоком понимании назревших потребностей в движении самой литературы. Но утверждать это новое в обстановке тех лет было непросто. Слишком еще были сильны отжившие, догматические представления о литературе...

Ф. Абрамов подвергся жесточайшему разному. Статью клеймили на заседаниях, собраниях, митингах.

Федор Александрович держался мужественно. Появлялся тогда в аудиториях не часто. Проходил иногда по коридорам молчаливой тенью, избегая лишних разговоров, робкого выражения сочувствий. Но, думается мне, он не только крепко чувствовал свою правоту, он не мог не ощущать и молчаливую поддержку огромной массы своих единомышленников. Это помогало ему держаться. И очень скоро глубокая правда суждений критика стала широко очевидной...

Осенью 1955 года я окончил аспирантуру и вернулся в Архангельск, где стал преподавать литературу в педагогическом институте. И большая часть моих встреч с Федором Александровичем прошла в этом городе.

Почти каждое лето по несколько месяцев Федор Абрамов проводил у себя на родине, в Пинежье. И вот, добираясь на самолетах из Ленинграда до своего райцентра, до Карпогор, он, как правило, по пути туда и обратно на несколько дней задерживался в Архангельске. Здесь он работал в архивах, встречался с нужными ему людьми, иногда совершал поездки по окрестным местам.

И в первые годы, лет десять кряду, он останавливался обычно у нас, в большой семье. Жили мы тогда на улице Урицкого, в деревянном двухэтажном доме, в просторной квартире без особых удобств. Правда, был телефон, и это его вполне устраивало. Я ему отдавал свой кабинет, хотя работать у письменного стола в считанные дни приездов ему удавалось мало. С утра он уходил по своим делам, нередко не приходил и к обеду, зато вечерами были вместе.

И вот эти далекие вечера, когда Федор Александрович, завершив свои дневные хлопоты, расслабившись, переодевшись в домашнее, оставшись в одних носках или даже босиком, делался совсем своим в кругу нашей семьи, среди детей, стариков, и мог говорить со всеми и обо всем, – самые дорогие для меня воспоминания об этом большом писателе.

Впрочем, в беседах Федор Александрович был сдержан, немногословен, больше любил расспрашивать, слушать. О себе, о своей жизни, о литературных делах говорил мало, неохотно. В суждениях был резок, категоричен, но прислушивался к мнению других; когда они не совпадали с его взглядами, любил вникать в детали, в аргументы своего оппонента, как бы взвешивая их... Выше всего ценил в людях душевную чистоту, честность, стойкость в отстаивании своих убеждений. Страстно ненавидел сановничество, приспособленчество, холуйство, невнимание к человеку, равнодушие, и людей, в которых замечал хотя бы крупинку этих качеств, не могли обелить никакие заслуги...

Любил разговоры стариков. С родителями моей жены, в прошлом – вологодскими крестьянами, говорил охотно, вникал в, казалось бы, неинтересные мелочи их прошлой жизни, быта, занятий. Всегда уважительно обращался к ним по имени и отчеству, имена эти помнил и в письмах ко мне не забывал передавать им поклоны.

Мы с ним быстро перешли на «ты», он меня называл по имени, я его неизменно – по имени и отчеству. Сначала он протестовал, потом, по-видимому, внутренне согласился с этим: все-таки он на пять лет был старше, по народным меркам это немало. А потом, я не мог не чувствовать по отношению к нему постоянной и глубокой уважительности...

С детьми был ласков, но без слюнявства, без нежностей, отзывчиво деловит и прост. Обе мои дочери, Наташа и Лена, по сути дела, выросли у него на глазах, с раннего возраста до студенческих лет. Особенно дружен он был с младшей. Когда он впервые заезжал к нам, Лене было два года. Весь вечер первого знакомства просидела у него на коленях. И потом помнила о нем, всегда в новые приезды сразу узнавала дядю Федю. А он в своих письмах, называя ее в след за мной мужским именем, не раз писал о том, что очень скучает по «славному Леониду». И когда он однажды прозевал ее десятилетие, с горечью писал мне: «Я все хотел поздравить с юбилеем милого Леонида и вдруг сейчас понял, что опоздал. И так досадно, что хоть плачь: уж очень мне по душе твоя младшая...» (из письма Ф. Абрамова от 29 августа 1966 г.).

Все в нашей семье – большие любители природы, походов в лес, поездок по реке. Сам я страстный рыболов. К сожалению, с Федором Александровичем, из-за его большой занятости, так и не удалось нам вместе съездить на рыбалку, побросать спиннинг, посидеть у костра. Но разговоров об этом было предостаточно, особенно когда я ухитрялся побывать на реке и угостить его отменной ухой или запеченным великаном лещом. И мне льстило восхищение Федора Александровича моими рыболовными успехами.

– Нет, таких лещей у нас на Пинеге не встретишь, и стерлядей отроду не бывало... У нас больше сорога да язь, а по речкам – хариус...

По вечерам нередко играли у нас в столовой в бильярд. Федор Александрович любил эту игру. («Нам, писакам, очень полезно разминаться»), играл азартно, старательно; проигрывал, сердился... Со мной не очень любил тягаться («С тобой неинтересно, ты руку набил»), больше сражался с женой, но и ей, случалось, проигрывал. Тогда шутливо ворчал:

– Ну и семейка... С вами лучше не связываться...

Перед сном любил просматривать газетную и журнальную прессу, иногда, зачитавшись, ложился поздно, но вставал неизменно рано, по-крестьянски, частенько опережая нас, и тогда из кухни доносился его негромкий, веселый и внятный говорок:

– Дорогие хозяева, не пора ли подниматься?.. Гости давно уже встали...

Хорошо запомнился Федор Александрович и в очень трудное для него время резкой критики его очерка «Вокруг да около».

Очерк был напечатан в «Неве» в январе 1963 года. А в июне того же года в «Правде Севера» появилась на двух страницах большая статья-письмо «К чему зовешь нас, земляк?».

Авторы статьи обвиняли писателя в искажении сельской реальности, в отступлении от жизненной правды. Прозорливая содержательная суть произведения, его очистительный, оздоровляющий пафос были не приняты. (Федор Абрамов опять опережал время. Лишь спустя годы очерк был переоценен. С начала семидесятых годов переиздавался во многих сборниках писателя. А сегодня по праву числится в ряду лучших явлений деревенской прозы, в советской очерковой классике).

В те летние дни, когда Федор Александрович заехал к нам несколько месяцев спустя после появления этой статьи, он почти ничего не говорил ни о своем очерке, ни о нападках на него, хотя я знал, что в Ленинграде, на собрании писателей, по поводу очерка разговор был жаркий. Чувствовалось, что Федор Александрович очень тяжело переживает критику своего очерка и особенно то, что она была организована в форме письма его земляков. Ведь он так любил своих пинежан... Конечно, все это оставляло долго незаживающие душевные раны. Такое не могло пройти бесследно.

И летом 1966 года случилась драма.

В один из июльских дней, возвращаясь с Верколы, он заехал ко мне. Днем мы решили искупаться в Двине, пошли на городской пляж. Выйдя из воды, не доходя до нашей одежды, он неожиданно упал на песок. На мой тревожный вопрос ответил:

– Подожди, сейчас встану, сдавило что-то...

Но прошло десять-пятнадцать минут, ему не становилось легче. Сразу подумалось – что-то с сердцем...

Решил вызвать «скорую». Поехали в областную больницу. Его унесли на носилках. Я остался ждать в приемной. Вскоре вышла сестра, сказала, что у него микроинфаркт, его оставляют в больнице.

В первые дни я навещал Ф. Абрамова ежедневно. Сначала ему было особенно трудно, не любил он лежать без движения.

Жена Федора Александровича, Людмила Владимировна, находилась в это время в санатории, на юге. Но писать ей о случившемся он категорически запретил: «Не надо ей срывать лечение и отдых». И только к концу ее срока он написал ей. Людмила Владимировна немедленно прилетела к мужу, и недели через две, когда Федор Александрович немного окреп, они выехали в Ленинград.

В Ленинграде я бывал у Абрамовых несколько раз, когда они еще жили на Петроградской стороне, на улице Ленина. Федор Александрович напряженно работал в это время над романом «Две зимы и три лета».

С утра я ходил заниматься в Публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина, и, когда возвращался около шести вечера, он все еще продолжал трудиться и часов до восьми не отрывался от бумаг. Работал сосредоточенно, не отвлекался, не разговаривал. Мне тоже советовал что-нибудь «доделать» свое. Поначалу это меня обижало (все-таки гость!), но потом я понял, как дорого ценил он часы работы, какое наслаждение находил в каторжных

писательских муках и как строго оберегал режим труда, особенно в часы, когда к нему шло слово...

Иногда ходили гулять на острова, к морю. Но и во время прогулок он не любил разговаривать. Больше наблюдал. Это было для него своеобразной формой отвлечения от дел, формой отдыха, обретения душевного лада.

Зато уж за вечерним столом весь раскрывался для собеседников (говорите – слушаю) и сам порой хорошо «заводился», выдавал всякие случаи из своих многочисленных поездок по городам и весям нашей страны и заграничных путешествий...

Задеть кого-нибудь, резануть словом не боялся. Себе цену знал. Преувеличения любил. Мог и занестись сверх меры. Но быстро трезвел. Помню сцену у него на кухне, в присутствии его друга, литературоведа В. И. Малышева.

По какому-то поводу Федор Александрович вдруг неумеренно похвалил себя. Дальше больше – совсем расхвастался...

Я не утерпел:

– Ну хватит тебе... Противно же слушать: я-я-я!..

Федор Александрович осекся. Помрачнел... Мы замерли... Вдруг взорвется... Но он переломил себя. Сказал резко и решительно:

– Шамиль прав, прав!.. Заносит, черт, куда-то...

Нет, не обиделся. Опять заговорили мирно...

Раз и через письма чуть не поссорились. Я написал ему о том, над какими вещами работаю. Одна из тем ему не понравилась, он начал меня энергично отговаривать от этой работы. Я ответил, что она меня захватила, доведу ее до конца, напечатаю и ему пришлю книжку, пусть выбросит, если не захочет читать... Еще что-то наговорил в запале...

Он не остался в долгу, ответил резко, но сразу остудил мою горячность, поднявшись выше мелочей:

«Что за письмо? Какая блоха тебя укусила? Или в тебе взбунтовалась азиатская кровь? Эх, друг, друг! Выпороть бы тебя хворостиной да на холодок. Понял? Пиши, о чем хочешь. Тебе виднее. И совершенно верно: все дело в осмыслении. Все, абсолютно все может быть предметом изучения... Только повторяю, к хренам – всякие обиды. Это не по-мужски. Тем более между нами, чуть ли не с 20-летним стажем приятельства и дружбы...» (из письма Ф. Абрамова от 9 декабря 1972 г.).

Дни приезда Федора Абрамова к нам часто совпадали с летней экзаменационной сессией в нашем институте. Федор Александрович живо интересовался положением дел в институте, настроением и учебной студентов, условиями труда и особенностями жизни преподавателей.

А в сентябре 1975 года, во время очередного пребывания Федора Александровича в Архангельске, произошла его долгожданная встреча со студентами и преподавателями педагогического института. На встречу он приехал вместе с секретарем обкома КПСС

Ю. Н. Сапожниковым и известным северным прозаиком Николаем Жернаковым, возглавлявшим тогда архангельскую писательскую организацию. Встреча происходила в актовом зале главного корпуса института и длилась более двух часов.

Говорил Федор Александрович о высокой миссии педагога, об особой роли сельского учительства не только в воспитании юношества, но и формировании духовного облика всего населения. При этом он опирался и на факты своей биографии, вспоминая годы учебы в сельских школах. С большой любовью рассказывал о таких учителях Карпогорской средней школы, как Алексей Федорович Калинин, Николай Павлович Смирнов, для которых учительство было настоящим призванием, высшим смыслом жизни. Они были поистине просветителями, бесценными духовными наставниками людей. Они были пропагандистами советской нови, хранителями законности, проводниками культуры в глухом лесном краю. И с этих позиций воспитывали юность, уже в самом начале пути приобщая своих питомцев к идеалам высокой гражданственности.

С проблемой духовного обогащения масс были связаны и мысли Федора Абрамова о современной литературе, о творчестве северных писателей. О Русском Севере, о его людях, культуре, традициях Федор Александрович всегда говорил с особым чувством. Возникла эта тема и в разговоре со студентами. Но то не было культом местничества. Это была речь о родине, о священной материнской земле, об отчуждении – о тех основаниях и крепях, на которых держится жизнь, без которых не выстраивается душа человеческая...

В конце встречи Федор Абрамов отвечал на вопросы слушателей и сам о многом расспрашивал студентов, когда они после закрытия вечера поднялись на сцену и окружили его плотным кольцом. А потом не просто «раздавал автографы», а долго и делал на своих книгах, принесенных студентами, памятные записи...

Запомнилось мне и последнее публичное выступление Федора Абрамова в нашем городе, в октябре 1981 года, в клубе ВТО. Писатель тогда специально приезжал на премьеру спектакля Архангельского драматического театра по своему роману «Дом». И говорил он на этот раз о том же, о чем рассказывали роман и спектакль, – о самых насущных и жгучих проблемах жизни сегодняшней деревни, и не только деревни. Чувствовалось, что его постоянно волновали очень многие и сложные вопросы: о сельском производстве, о рациональном хозяйствовании, об отношении к природе, о народной инициативе, об активных тружениках, о роли женщин, о современном быте, культуре, литературе, образовании...

Слушать Федора Абрамова было потрясением.

И как жаль, что так не часто мы слышим его живое слово...

Хотелось бы особо сказать и о творческой личности Федора Абрамова, о наиболее ярких, сильных (на мой взгляд) сторонах его сложного духовного мира.

Конечно, все знавшие Федора Александровича не могут не отметить высокой его образованности, широты кругозора, богатства и разнообразия знаний. По-видимому, уже одно то обстоятельство, что Федор Абрамов сформировался сначала как незаурядный ученый, исследователь литературы и критик, наложило особый отпечаток и на характер мышления

писателя, придав его художественным исканиям аналитическую направленность и философскую зрелость.

Думаю, это счастливое сочетание в таланте Федора Абрамова аналитической и изобразительной мощи во многом предопределило и особенности его реализма. Именно всестороннее познание жизни, смелое проникновение в ее противоречия и сложности вело писателя к суровой, бескомпромиссной правде, к той живительной правде, которая делала людей сильнее, помогала им в преодолении трудностей. Только такая правда, по убеждению писателя, была достойна народа.

Но одно дело – видеть правду, понимать и чувствовать ее, другое – ее выражать. Для Федора Абрамова такой раздвоенности, такого разрыва не существовало. Он не таил правду в себе, он нес ее людям. И вот здесь-то с огромной силой срабатывали другие ценнейшие черты Федора Александровича – мужество, прямота нрава, кремневое упрямство. Бесстрашным глашатаем истины был этот физически не сильный человек, готовый во имя выстраданных своих убеждений претерпеть все...

И насколько красочный мир, созданный Федором Абрамовым, был бы беднее, каких сокровенных мыслей и художественных открытий мы недосчитались бы в нем, если бы не эти личностные свойства его создателя!

И еще об одной важной, может быть, самой определяющей грани творчества в творческом облике Федора Абрамова – чрезвычайно граждански страстный, общественно озабоченный, беспокойный был он художник! Все боли и тревоги мира вбирала его душа, за все он переживал, все принимал близко к сердцу: от глобальных международных вопросов до положения дел в родной деревне. Но, конечно же, самыми насущными заботами для него были заботы о нашем социалистическом доме, о благополучии родного народа, о счастье советского человека. Как он любил свой народ, свою землю, как он хотел, чтобы было больше успехов и совершенства, красоты и лада, гармонии и творчества во всех сферах нашей жизни... Вспомним взволнованные публицистические очерки Федора Абрамова, его статьи и интервью, его речи на писательских съездах, литературный вечер в Останкине, его открытое письмо землякам «Чем живем-кормимся»... Вот в этих горячих, идущих от сердца словах – весь Абрамов, один из честнейших писателей Русской земли, верных сынов Отечества. Недаром же Александр Твардовский отмечал в письме к Борису Панкину, что в лице писателя Федора Абрамова он видит «человека, мало сказать, талантливого, но честнейшего в своей любви к «истокам», к людям многострадальной северной деревни, и терпящего всяческие недооценку и ущемления именно в меру этой честности» (Панкин Б. Строгая литература : лит.-крит. ст. и очерки. М., 1982. С. 124.).

С годами общественная озабоченность Федора Абрамова все более и более усиливалась, становилась его доминирующим состоянием, подчиняя все другие его интересы. Трудная одолимость негативных явлений омрачала его, делала угрюмым, раздражительным. В последние годы он очень спешил, чувствовал, что время и силы уходят, хотел успеть больше, личному уделял меньше и меньше внимания. Все мелкое, суетное отодвигалось в сторону. Зазвать его, поговорить с ним становилось все труднее.

Не думаю, чтобы это было общеписательским свойством. Напротив, многие пишущие с годами становятся смиреннее, благодущнее, успокоеннее. Нет, это было проявлением все того же

абрамовского духа, свойством настоящего борца. Не умел он экономить силы, не привык щадить себя!

В безвременном уходе Федора Александровича из жизни это безоглядное сжигание души, конечно же, сыграло свою роль.

И как критик, и как преподаватель советской литературы к творчеству Федора Абрамова я обращался довольно часто. Много раз писал о нем, о его произведениях.

Федор Александрович это ценил, и особенно статьи в областной печати. Ему важно было быть на высоте прежде всего в глазах своих земляков, а они столичные журналы не очень-то читают, а за своей газетой следят...

В конце семидесятых годов я стал подумывать о книге, посвященной Федору Абрамову. Советовался с ним. Он отговаривал. Зачем? Статей я написал много, это хорошо, а книгу – рано.

Осенью 1982 года, перенеся тяжелую операцию, Федор Александрович сам в письме ко мне заговорил о книге. Оба понимали – необходима встреча. Я написал, что хотел бы приехать к нему в конце января 1983 года, во время студенческих каникул. Но он был занят, напряженно работал, поэтому назначил встречу на май...

Встреча не состоялась.

В мае я поехал в Верколу на похороны Федора Александровича. В первый раз в его родную деревню, в которую он собирался пригласить меня, когда обживет свой маленький домик на высоком берегу Пинеги...